

УДК 128:1(091)Фёдоров

Корнилов С.В.

Философские основания проекта «общего дела» Н.Ф. Фёдорова

Корнилов Сергей Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

E-mail: sergey-v-kornilov@j-spacetime.com; korns2009@rambler.ru

Рассматриваются философские основания проекта Н.Ф. Фёдорова, который не имеет аналога в мировой философской мысли. Мыслитель поставил задачу победы над смертью и обретения человеком и человечеством бессмертия. Его проект позволяет осознать, что индивидуальное бессмертие без всеобщего спасения невозможно. На место эгоистического выживания должна прийти новая максима человеческого существования, заключающаяся в необходимости творческого преобразования и просветления жизни.

Ключевые слова: русская философия, Н.Ф. Фёдоров, жизнь, бессмертие, соборность, спасение.

Н.Ф. Фёдорову принадлежит разработка проекта, не имеющего аналога в мировой философской мысли. Он поставил задачу победы над смертью и обретения человеком и человечеством бессмертия. Каковы же философские основания грандиозного замысла мыслителя?

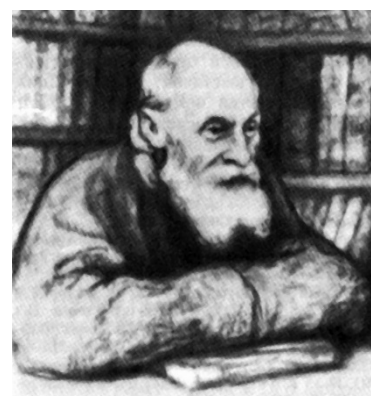
Под философскими основаниями будем понимать совокупность тех основополагающих идей, которые существенно использованы при создании концепции, в данном случае проекта «общего дела». Философские основания целесообразно подразделить на три вида:

1) предметно-содержательные, или онтологические, представляющие собой определенное множество экзистенциальных допущений об объектах реальности, 2) гносеологические, образующие исходные познавательные установки, и 3) аксиологические, содержащие базовые ценностные представления. Рассмотрим их последовательно.

Концепция «общего дела» включает в себя определенную трактовку бытийных структур. В истории философии можно найти различные подходы к пониманию реальности. В ряде концепций она выступает как иерархия материальных систем, соединенных пространственно-временным континуумом. Другое понимание бытия основывается на признании количественных соотношений как его глубинного слоя. Третий подход заключается в поиске инвариантных идеальных сущностей природной реальности. В истории человеческой мысли были реализованы и другие возможности, раскрывающие различные аспекты проблемы того, «что существует». Какое же из этих теоретических направлений можно считать идейной предпосылкой проекта Н.Ф. Фёдорова?

Изучение вопроса показывает, что наиболее важные связи учения об «общем деле» обнаруживаются с «философией соборности» А.С. Хомякова, в связи с чем следует осуществить экспликацию понятия соборности, введенного основоположником славянофильства. Понятийные структуры его концепции вырастают из размышлений философа о церкви – религиозный поиск образует центральный нерв всех его теоретических построений.

«Церковь, – провозглашает Хомяков в трактате «Церковь одна», – называется *единою, святою, соборною* (кафолическою и вселенскою), *апостольскою*, потому что она едина и свята, потому что она принад-

Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903). Рисунок Л.О. Пастернака. 1902

лежит всему миру, а не какой-нибудь местности, потому что ею святятся все человечество и вся земля, а не один какой-нибудь народ или одна страна, потому что сущность ее состоит в согласии и в единстве духа и жизни всех ее членов, по всей земле признающих ее, потому, наконец, что в Писании и учении апостольском содержится вся полнота ее веры, ее упований и любви»¹.

Церковь понимается им не как какое-то учреждение или внешнее объединение, не как довлеющий над личностью авторитет, но как духовная связь, объединяющая всех и каждого.

Однако не означает ли признание существования подобного единства подавление и уничтожение человеческой свободы? Католицизм и протестантизм, показывает Хомяков, демонстрируют, что существуют две крайности в понимании данной проблемы: либо единство без свободы, либо свобода без единства. Но и в том, и в другом случае нет «единства во множестве». В католицизме и протестантизме утрачен дух истинного христианства, он присутствует лишь в православии, поскольку 9-й член православного символа веры гласит: «Верую во единую святую, соборную и апостольскую Церковь». «Соборность», согласно Хомякову, выражает центральную идею церкви, гармонически сочетая единство и свободу. Духовная связь должна «соборно» объединять членов церкви «в любви и истине». Так мыслитель впервые вводит в оборот понятие, ставшее фундаментальной основой всей его концепции.

Образованный им неологизм «соборность» Хомяков разъясняет в «Письме по поводу речи кн. Гагарина». Последний перешел в католичество и в своих вступлениях отстаивал идею, что церковь не соборна, а «кафолична», т.е. является вселенской, принадлежащей всем народам. Хомяков не ограничивается указанием на тот очевидный факт, что христианство не есть учение всех народов. Он обращает внимание на то, что у Кирилла и Мефодия слово «соборный» выражает глубокий смысл, так как собор означает идею собрания, объединения членов церкви. «Соборность» была нарушена католической церковью, когда она приняла новый догмат о филиокве, т.е. об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына, нарушив тем самым единство христианского вероучения и противопоставив себя из гордости восточной церкви, поправ закон любви.

Сформулировав положение о соборности как основополагающем бытийном принципе, Хомяков открыл новую главу в развитии русской философии, определив плодотворное направление ее развития. Но можно ли говорить о восприятии его идей Н.Ф. Фёдоровым, который не употреблял слово «соборность»? Для ответа на поставленный вопрос сошлемся на авторитетнейшего исследователя философии «общего дела» – на труды С.Г. Семёновой. В них убедительно показано, что принципы соборности фактически заданы Федоровым в том идеале Троицы, который рассматривался им в качестве проективного образца для всего человечества.

«В Церкви соборность (именно здесь ее видел Хомяков) – должный, идеальный принцип, переживаемый лишь мистически, в вере. *Вера* же, как мы знаем, *без дел мертва*, точнее мертва без Дела реализации ее обетований, – отмечает С.Г. Семёнова, заключая, – Итак, соборность по-настоящему осуществляется только в Богочеловеческом Деле, в практике покорения слепых стихий разрушения и смерти в мире и себе»².

Действительно, концепция соборности Хомякова представляет собой необходимую теоретическую предпосылку федоровского учения о родстве – предметно-содержательного каркаса проекта «общего дела». Стремясь последовательно изложить его, Фёдоров так формулирует центральную проблему, вынося ее в название своей основной работы: «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим». Обращаясь от «неученых» к «ученым», Фёдоров подчеркивает, что выражает позицию основной массы людей, живущих естественной жизнью, в противоположность городскому сословию и прежде всего ученым. Отделение мысли от дела привело к тому, что знание стали рассматривать в качестве конечной цели, породив идеологию – культ идей. Однако ученая специальность имеет только временное значение и ее представители должны образовать комиссию для того, чтобы знания поставить на службу общему делу – преодолению небратского, неродственного состояния. Ведь именно таковы существующие юридические и экономические отношения, разделяющая людей сословность и международная рознь.

Выделение ученых в особое сословие превратило их в равнодушных наблюдателей, лишь констатирующих разобщенность людей, но без всякого стремления устранить зло. Ум, отделенный от воли, превратился в разум бесчувственный. С ним появляется неродственность: забвение отцов и распадение сынов. Однако незамутненный, хотя и не обремененный специальным знанием взгляд

¹ Хомяков А.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Московский философский фонд Издательство «Медиум», 1994. С. 7.

² Семёнова С.Г. Тропами сердечной мысли: Этюды, фрагменты, отрывки из дневника. М.: ПоРог, 2012. С. 397.

простого человека видит мир глубже, правдивее, так как схватывает главное – то, что, во-первых, человек смертен и, во-вторых, является сыном. Вот два важнейших, родовых качества каждого из нас. Поэтому Фёдоров предпочитал нейтральному слову «человек» емкое «сын человеческий». И как только, замечает философ, ум приходит в чувство,

«начинается воспоминание отцов умерших (музей), а вместе и соединение сынов этих умерших, а также и отцов, еще живущих (собор), для воспитания своих сынов (школа); полнота же чувства есть объединение всех живущих (сынов), полнота воли, или совокупного всех живущих действия, есть воскрешение всех умерших (отцов), собор всех оживших, или объединение рожденных для воскрешения умерщвленных, умерщвленных путем рождения и питания»¹.

Но если учение о родстве своими корнями уходит в философию соборности, между ними обнаруживается и существенное различие. Славянофилы, отмечал автор проекта всеобщего воскрешения, не раскрыли и не выяснили, для какого дела требуется соединение всех сил, какова должна быть главная цель. Не был разработан ими и вопрос о средствах, какими можно было бы осуществить задуманное. Наконец, они не задались вопросом, для кого и по какому образцу будет происходить восстановление цельности жизни. Одним словом, славянофилы не смогли развить активного, творческого отношения к будущему.

С новой трактовкой реальности связаны теоретико-познавательные основания проекта Н.Ф. Фёдорова. Мыслителю удается преодолеть узкие рамки эмпиризма и рационализма – традиционную альтернативу в гносеологии. Он развертывает принципиальную критику критицизма, который его адепты пытались представить венцом развития европейского мышления. Кенигсбергский теоретик устроил «Страшный суд» над философией, отвергая все то, что не могло быть им критически обосновано. Его приговор признал весь интеллектуальный мир Запада, но на самом деле он является лжесудией, так как заточил человека в «вечную тюрьму», полагал Н.Ф. Фёдоров. Границы, проведенные Кантом, искусственны, они делают опыт игрушечным. «Критика чистого разума» превращает познание в ограниченное, фрагментарное, неспособное к истине. Аналогичная ошибка совершается им в «Критике практического разума», которая знает только действие в одиночку, и поэтому его нравственная философия не может уничтожить зло в мире, как кантовская гносеология – стать мышлением о деле. Однако самый большой вред его учения – в признании раздвоения разума на теоретический и практический как неустраняемого и вечного.

Проект Федорова открывает выход из гносеологического тупика.

«Идея, – формулирует он главное теоретико-познавательное положение философии «общего дела», – не субъективна, но и не объективна – она проективна»².

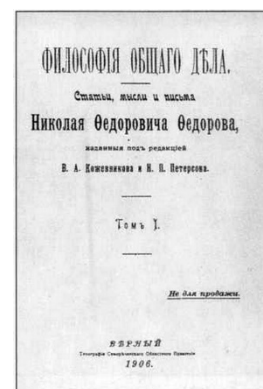
Концепция Н.Ф. Фёдорова – прежде всего программа действия, отвергающая всякую созерцательность и отвлеченное теоретизирование. Философ радикально восстает против пассивности человека, для него характерно исключительно сильное требование действенного отношения к природе. Не случайно поворотный пункт человеческой истории Фёдоров видит в том, что человек в своем развитии из горизонтального положения перешел в вертикальное, встал, обратив свой лик к небу. Нирвана, проповедуемая буддизмом, есть пример капитуляции человека, его смерть. Сыны человеческие должны преодолеть свою конечность, значит, им необходимо действовать. На что же нужно направить нашу энергию?

Ответ на данный вопрос содержат, в частности, неопубликованные воспоминания одного из немногочисленных учеников философа – Н.П. Петерсона.

Познакомившись с «необыкновенным библиотекарем», молодой человек сразу заговорил о необхо-

Николай Павлович Петерсон (1844 – 1919), публицист, педагог, ученик Н.Ф. Фёдорова и издатель его трудов

Титульный лист первого тома трудов Н.Ф. Фёдорова, изданных его учениками В.А. Кожевниковым и Н.П. Петерсоном (Верный, 1906)

¹ Федоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. / Составление, подготовка текста и комментарии А.Г. Гачевой и С.Г. Семёновой. Т. 1. М.: Прогресс, Традиция, Evidentis, 1995. С. 45.

² Там же. С. 296.

димости уничтожения бедности, восстановления социальной справедливости.

«Не понимаю, о чем вы хлопчете, – отвечал Н.Ф. Фёдоров. – По вашим убеждениям, все дело в материальном благосостоянии, и вот вы ради доставления материального благосостояния другим, которых не знаете и знать не будете, отказываетесь от собственного материального благосостояния, чтобы пожертвовать даже жизнью. Но если тем людям, о которых вы хлопчете, материальное благосостояние так же неважно, как и вам, – о чем же вы хлопчете?»¹.

Вопрос о богатстве и бедности, с точки зрения мыслителя, как и все другие проблемы, является производным от основного – о жизни и смерти. Действие слепых природных сил уравнивает в смерти всех и каждого. Поэтому борьба против нее должна стать общим делом и царство смерти тогда может быть побеждено всеобщей регуляцией и управлением природными процессами. Окружающий нас материальный мир сам по себе бессознателен и нецелесообразен. Природа выступает нашим врагом, но врагом временным. Через человека она начинает осознавать себя, из силы разрушительной превращается в силу воскресительную. Происходящее истощение средств существования еще больше обострит взаимоотношения людей и природы. Борьба с природной стихией станет задачей не отдельных лиц, но общественным, всенародным делом, охватит не только Землю, но также явления метеорологические и небесные пространства.

Согласно Фёдорову, Творец посредством нас воскрешает мир. Спасение – не чудо, но покорение смертоносной силы природы человеческим трудом. Своим участием а общем деле сыны человеческие вносят в природу целесообразность. Нельзя удовлетворяться одним мысленным воскрешением, как это происходит в обрядовом христианстве, литургия должна выйти из храма, сделаться универсальной. Она видится мыслителю как символическое обозначение общего дела.

В свете поставленной задачи познание уже не может рассматриваться как пассивное умозрительное объяснение сущего, оно должно стать проектом общего дела, значит, быть соотносено с должным. Составным элементом нового проективного учения о знании является музей. Понимаемый Н.Ф. Фёдоровым в предельно широком смысле слова, он мыслится как материальное хранилище памяти, объединяя собрание, хранение, изучение результатов всей истории человечества. Выполняя все эти многообразные функции, музей становится, по существу, вселенской церковью. Культ предков, с точки зрения Фёдорова, есть единственная религия, и самое страшное, что может произойти с людьми, – это если они забудут своих отцов. Поэтому музей должен пробуждать любовь к предкам, стать нравственным воспитателем человечества, реализовать идею всеобщей родственности. Вспоминая, что под музеем древние понимали собор ученых, Н.Ф. Фёдоров развивает мысль о том, что отрыв разума от воли привел к бессилию самого разума, так как была поставлена преграда его развитию. Новый музей должен не только заключать в себе всю науку о человеке и природе, но и стать исполнением проекта отечества и братства.

Идея музея органично вытекает из учения Фёдорова о родстве как бытийной основе человеческого существования. Если духовная связь «в любви и истине» соборно объединяет сынов человеческих, то и память не может быть чем-то изолированным, частным, принадлежащим отдельному индивиду, лишь сохранением следов прошлого.

«Проективное воспоминание, – пишет в этой связи В. Меденица, – должно актуализироваться: Музей не может быть только библиотекой, служащей современникам для приобретения знаний, для самого знания, или каким-то этнографическим учреждением, предназначенным для экскурсий, организованных туристическими агентствами. Музей исполняет функцию проективного воспоминания, воскрешающей памяти, он призван вразумить человечество на высшее действие, которое отменит основы его нынешнего существования, так как все, что сейчас в нем только хранится, со-храняется, станет снова конкретным, живым в истинном, полнейшем смысле жизни, жизни без смерти, без боли, без страдания и страха...»².

Таким образом, гносеологические основания проекта «общего дела» теснейшим образом связаны с аксиологическими установками концепции мыслителя. Фёдорову принадлежит заслуга разработки принципиально нового этического учения – супраморализма³.

Эвдемонизм, этика долга, утилитаризм и другие направления этической мысли пытались по сво-

¹ Цит. по: Семёнова С.Г. Николай Фёдоров. Творчество жизни. М.: Советский писатель, 1990. С. 44.

² Меденица В. Истина есть истина, алетейя, вечная память // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829–1903). М.: Пашков дом, 2004. С. 75–76.

³ Подробнее об этом см.: Гранин Р.С. Эсхатологическая утопия Н.Ф. Фёдорова: между «вечным становлением» и «бесконечным возвращением» // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 71–74.

ему разрешить проблему смысла жизни и определить нравственные координаты человеческих поступков. Однако способны ли они разрешить основные противоречия морального сознания, в частности, альтернативу эгоизм – альтруизм? Проективная этика открывает пути решения основных нравственных проблем, устанавливая:

«Жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех; это и есть объединение живущих (сынов) для воскрешения умерших (отцов)»¹.

Воскрешение умерших отцов – нравственный закон для сынов человеческих. В основе его лежит наша любовь к предкам и осознание своего долга перед ними. Рождение приводит к истощению родителей и их смерти. Каждое новое поколение невольно виновато в исчезновении поколения предыдущего.

«Сознание, что этот долг не оплачен, есть сознание своей зависимости, рабства, невольности, смертности – словом, небратства, – писал Н.Ф. Фёдоров. – В неоплаченном долге заключается наказание рабством, смертью. Оплаченный долг есть возвращение жизни своим родителям, т. е. долга своим кредиторам и через то – свободы себе»².

Так как воскрешение состоит в преобразовании действительного мира, который изменяется не мыслью, а делом, то и называется оно не идеалом, а проектом. И в этом состоит принципиальное отличие замысла Фёдорова от утопических мечтаний.

Следует обратить внимание на то, что аксиологические основания концепции мыслителя задают социально значимые цели. Осуществление общего дела предполагает замену «гражданственности», «цивилизации» братством, превращение человечества в большую семью с единой судьбой. Оглядываясь на историю развития человечества, Фёдоров дает ей уничижительную оценку:

«История как факт есть взаимное истребление, истребление друг друга и самих себя, ограбление или расхищение чрез эксплуатацию и утилизацию всей внешней природы (т.е. земли), есть собственное вырождение и умирание (т.е. культура); история как факт есть всегда взаимное истребление, будет ли оно открытым, как во времена варварства, или же скрытым, как при цивилизации, причем жестокость делается только утонченной, а вместе и более злою»³.

Но если такова бессознательная история, то какова она будет сознательной?

Когда масса людей превратится из толпы в стройную силу, произойдет объединение сынов для воскрешения отцов, возникнет новый тип организации человечества – психократия. Мир тогда будет управляться душою, это означает регулирование сознанием материальных процессов, а не некое бестелесное существование. Одновременно осуществится переход от нынешнего индустриализма к сельской общине. Последняя решит те проблемы, которые оказались неразрешимыми для государства: уничтожит конкуренцию, спекуляцию и войны. Силы, растрчивавшиеся в братоубийственной вражде, найдут применение в мирном труде. Для этого не надо уничтожать армии, а следует обратить военное дело в изучение природы, использовать накопленный опыт, в частности, для метеорологической регуляции. Искусственность городской жизни сменится союзом сынов человеческих, работающих для одной цели. Построенное по образцу Троицы братство людей не будет нуждаться во внешнем принуждении. Восторжествует коперниканское миропонимание. Геоцентрическая точка зрения, объявляя Землю и человека центром мироздания, обрекала людей на роль пассивных наблюдателей происходящего. Кажущееся принималось за действительное. Из гелиоцентрической концепции вытекает иное, что мыслящее существо стало целью развития, его проектом.

Проективная аксиология включает в себя также базовые эстетические ценности. Общее дело ставит перед искусством совершенно новые задачи. Из стремления сохранить облик умершего на заре человечества возникли, по Фёдорову, искусства. Живописные изображения, скульптурные портреты явились заместителями на случай уничтожения мумий. Потребность воссоздания остается и по сей день внутренним импульсом деятельности художника, который с помощью искусственных средств и искусственных сред творит подобия живых или умерших. Объединение различных видов искусства происходит в архитектуре, особенно в ее высшем произведении – в храме. Он является подобием всей Вселенной, в нем благодаря зодчеству, живописи и ваянию становится возможным передать сынам человеческим, как земля отдает своих мертвецов, а небо населяется новыми поколениями. К зримому – своду храма и иконостасу – добавляется голос, так как отпевание, совершающееся там,

¹ Фёдоров Н.Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. С.166.

² Фёдоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 108.

³ Там же. С. 138.

призвано оживить ушедших из жизни людей. Образ храма превращается у Фёдорова в обобщающий символ организации мира по законам целесообразности.

Коперниканское миропонимание требует и коперниканского зодчества. Мыслитель предвидит, что искусство будущего позволит обустроить мир по законам гармонии, руководствуясь разумом и нравственностью. Люди будут заняты одним делом – преобразовать действительность. Разрыв между наукой и искусством исчезнет; архитектура, соединяющая в себе все искусства, и астрономия – единство всех наук – дадут небывалый синтез, результатом которого станет управление жизнью и космосом. Идея Н.Ф. Фёдорова о производстве искусства как проекте новой жизни раскрывала новые горизонты для художественного творчества.

Таковы философские основания проекта «общего дела» в их предметно-содержательном, теоретико-познавательном и аксиологическом измерении. Концепция Н.Ф. Фёдорова стала поворотным пунктом в развитии русской философии. В ней поднят значительный «пласт» проблем, который не мог возникнуть в рамках предыдущего философствования. Хорошо известно, что идеи мыслителя оказали глубочайшее влияние на Ф.М. Достоевского, Вл. Соловьёва, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского. Значима их оценка Н.А. Бердяевым. Рассматривая понимание проблемы бессмертия в истории человеческой культуры, разбирая взгляды разных мыслителей, он приходит к выводу, что наиболее глубоким, человечным является учение Н.Ф. Фёдорова о воскрешении.

«Мое личное бессмертие, – развивает Бердяев мысль Фёдорова, – не может быть отделено от бессмертия других людей и мира. Исключительная поглощенность своим личным бессмертием, как и своим собственным спасением, есть трансцендентный эгоизм. Идея личного бессмертия, выделенного из всеобщей эсхатологической перспективы, из мировой судьбы, противоречит любви. Но любовь есть главное духовное орудие в борьбе с царством смерти. Истинно любящий есть победитель над смертью. Мы должны делать сверхчеловеческие усилия, чтобы те, кого мы любим – не только люди, но и животные, – наследовали вечную жизнь. Христос победил смерть, потому что Он был воплощением универсальной божественной любви. И любовь не может не желать всеобщего спасения от смерти и всеобщего воскресения. Если хоть одно существо, обладающее экзистенциальным центром, не будет воскрешено для вечной жизни, то мир не удался и теодицея невозможна»¹.

Проект Н.Ф. Фёдорова позволяет осознать, что индивидуальное бессмертие без всеобщего спасения невозможно. На место эгоистического выживания должна прийти новая максима человеческого существования, заключающаяся в необходимости творческого преобразования и просветления жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 254–357.
2. Гранин Р.С. Эсхатологическая утопия Н.Ф. Фёдорова: между «вечным становлением» и «бесконечным возвращением» // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 71–74.
3. История русской философии / Под ред. М.А. Маслина. М.: КДУ, 2008.
4. Меденица В. Истина есть естина, алетейя, вечная память // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829–1903). М.: Пашков дом, 2004. С. 65–81.
5. Семенова С.Г. Николай Федоров. Творчество жизни. М.: Советский писатель, 1990.
6. Семенова С.Г. Тропами сердечной мысли: Этюды, фрагменты, отрывки из дневника. М.: ПоРог, 2012.
7. Федоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. / Составление, подготовка текста и комментарии А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновой. Т. 1. М.: Прогресс, Традиция, Evidentis, 1995.
8. Федоров Н.Ф. Соч. М.: Мысль, 1982.
9. Хомяков А.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Московский философский фонд, Издательство «Медиум», 1994.
10. Koehler L. *N.F. Fedorov: The Philosophy of Action*. Pittsburgh, PA: Institute for the Human Sciences, 1979.
11. Kogan L.A. "The Philosophy of N.F. Fedorov." *Soviet Studies in Philosophy* 30.4 (1992): 7–27.
12. Shlapentokh D. "Life/Death – Cosmos/Eschatology." *Life Phenomenology of Life as the Starting Point of Philosophy*. Ed. A.-T. Tymieniecka. Dordrecht: Springer Netherlands, 1997, pp. 301–352.
13. Tandy C., Perry R.M. "The Anti-Death Philosophy of N.F. Fedorov." *The Philosophy of Robert Ettinger*. Eds. C. Tandy, and S.R. Stroud. Parkland, FL: Universal Publishers, 2002, pp. 189–198.
14. Young G.M. *Nikolai F. Fedorov: An Introduction*, Belmont, MA: Nordland. 1979.
15. Young G.M. *The Russian Cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers*. New York: Oxford University Press. 2012.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Корнилов, С. В. Философские основания проекта «общего дела» Н.Ф. Фёдорова / С.В. Корнилов // Пространство и Время. — 2015. — № 4(22). — С. 87—92. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_r_st4-22.2015.33.

¹ Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 338.